

26. ФЕВ 90 00361 -

Секретно

8-й сектор

23. ФЕВ 90 03900 Дополнительные сведения
о трагедии в КатиниКОЛЛЕКТИВНЫЙ РЕЗЕРВ
В ОЖИДАНИЕ ОТБЕДА ИЛИ ИНОГ

Уважаемый Михаил Сергеевич!

Рядом советских историков (Зоря Д.Н., Шлясманова В.С., Лебедева Н.С.) допущены в фонды Особого архива и Центрального Государственного архива Главного архивного управления при Совете Министров СССР, а также Центрального Государственного архива Октябрьской революции, выявлены ранее неизвестные материалы Главного управления НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных и Управления кавказских войск НКВД за 1939-1940 годы, имеющих отношение к т.н. катынскому делу.

Согласно этим материалам, на начало января 1940 года в лагерях Главного управления НКВД по делам военнопленных и интернированных в Осташкове Калининской области, Козельске Смоленской области, Старобельске Ворошиловградской области находилось около 14 тыс. бывших польских граждан из числа офицеров армии и флота, сотрудников полиции и жандармерии, военных и гражданских чиновников, различного вида агентуры, а также военного духовенства.

Все эти лица (приказ НКВД № 00117 от 1939 года) не подлежали освобождению и отправке на родину. Вопрос об их судьбе рассматривался в несколько приемов. Имеются документы с резолюциями Берии и Меркулова ускорить следствие, подготовить материалы на бывших работников карательных органов и разведки к рассмотрению на Особом совещании при НКВД СССР.

В апреле-мае 1940 года содержащиеся во всех трех лагерях лица были этапированы в распоряжение различных областных управлений

N 03900

2.

НКВД. Списки составлялись централизованно и имели общую систему нумерации, каждый из них включал в среднем 100 человек, поступали регулярно, иногда по 4-5 списка в день. Об отправке ежедневно докладывалось в Москву. Из числа этапиремых предписывалось исключать агентов-осведомителей и лиц, представляющих оперативный интерес. В отличие от практики обычного перемещения заключенных начальникам лагерей давалось указание в карточках на убывающих делать отметки лишь в лагерной картотеке ("убыл по списку №... такого-то числа и месяца") без высылки учетных карточек в центр.

Перед началом акции было дано распоряжение о введении почтового контроля и об изъятии всей входящей и исходящей корреспонденции. Запрещалось давать какие-либо ответы на запросы о содержащихся в лагерях. Все лагерные сотрудники были предупреждены о "хранении в строгом секрете места отправки" контингента.

После завершения акции все "дела" на выбывших из лагерей интернированных были "закончены, надлежаще оформлены и сданы в архив I спецотдела НКВД". На новые контингенты, прибывающие в лагеря, предписывалось завести "по линии учета и режима абсолютно новые дела". Позднее материалы Козельского и Осташковского лагерей были высланы для хранения в Главное управление, а материалы Старобельского лагеря уничтожены. Лица, содержащиеся во всех трех лагерях до апреля-мая 1940 года, в статистических отчетах в дальнейшем не фигурировали.

Козельский и Старобельский лагерь впоследствии использовались для содержания лиц польской национальности, вывезенных из западных областей Украины, Белоруссии и Прибалтики. Причем све-

3.

дения о прежнем контингенте этих лагерей от них тщательно скрывались. Здания Осташковского лагеря в августе 1940 года были переданы краеведческому музею.

Таким образом, документы из советских архивов позволяют даже в отсутствие приказов об их расстреле и захоронении проследить судьбу интернированных польских офицеров, содержащихся в лагерях НКВД в Козельске, Старобельске и Осташкове. Выборочное пофамильное сопоставление списков на отправку из Козельского лагеря и списков опознания, составленных немцами весной 1943 года во время эксгумации, показало наличие прямых совпадений, что является доказательством взаимосвязи наступивших событий.

На базе новых документальных фактов советскими историками подготовлены материалы для публикации. Некоторые из них уже утверждены редколлегией и приняты в производство. Выход в свет планируется на июнь-июль.

Появление таких публикаций создавало бы в известном смысле новую ситуацию. Наш аргумент - в госархивах СССР не обнаружено материалов, раскрывающих истинную подоплеку катынской трагедии, стал бы недостоверным. Выявленные учеными материалы, а ими, несомненно, вскрыта лишь часть тайников, в сочетании с данными, на которые опирается в своих оценках польская сторона, вряд ли позволит нам дальше придерживаться прежних версий и уклоняться от подведения черты. С учетом предстоящего 50-летия Катыни надо было бы так или иначе определяться в нашей позиции.

Видимо, с наименьшими издержками сопряжен следующий вариант.

Сообщить В.Ярузельскому, что в результате тщательной проверки соответствующих архивохранилищ нами не найдено прямых свиде-

4.

тества (приказов, распоряжений и т.д.), позволяющих назвать точное время и конкретных виновников катынской трагедии. Вместе с тем в архивном наследии Главного управления НКВД по делам военнопленных и интернированных, а также Управления конвойных войск НКВД за 1940 год обнаружены индиции, которые подвергают сомнению достоверность "доклада М.Бурденко". На основании означенных индий можно сделать вывод о том, что гибель польских офицеров в районе Катыни дело рук НКВД и персонально Берия и Меркулова.

Встает вопрос, в какой форме и когда довести до сведения польской и советской общественности этот вывод. Здесь нужен совет президента РП, имея в виду необходимость политически закрыть проблему и одновременно избежать взрыва эмоций.

Прошу рассмотреть.

Ваш
Иван

22.2.90.